

ВОЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

Нѣсколько словъ по поводу приказовъ по Военному вѣдомству, помѣщенныхъ въ оффиціальномъ отдѣлѣ № 7 «Военнаго Сборника».

— Въ послѣдніе два, три года, слѣдя внимательно за приказами, отдаваемыми по отдѣльнымъ частямъ арміи, видя въ проступки лицъ; предаваемыхъ военному суду, невольно останавливаешься не столько предъ массою проступковъ, сколько на преступленіяхъ, бросающихъ самую невыгодную тѣнь на нравственную сторону этихъ несчастныхъ исключеній въ нашемъ военномъ сословіи.

Приказы: г. военнаго министра отъ 7 іюня № 152, по 1-й арміи, отъ 5 и 16 іюня, №№ 107 и 119, по Корпусу Инженеровъ, 5 іюня, № 46, и по Отдѣльному Гвардейскому Корпусу 22 іюня, № 109, должны произвести прискорбное, болѣзненное чувство въ средѣ всѣхъ честныхъ, благомыслящихъ, понимающихъ свое назначеніе членовъ нашей обширной военной семьи. Скажемъ болѣе: они должны возбудить чувство негодованія и стыда въ тѣхъ, которые сознаютъ святость присяги, дорожатъ честью и славою своего знамени, заботятся сохранить незапятнаннымъ военный мундиръ.

Давно въ русской арміи не бывало столь грустныхъ примѣровъ нарушеній офицерами долга чести и службы, самаго возмутительнаго личнаго отступничества отъ священнѣйшихъ основъ всякаго благоустроеннаго войска и еще болѣе возмутительныхъ попытокъ увлечь на тотъ же преступный путь подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ.

Нашлись люди, которые, нося военный мундиръ, не устыдились принять участіе въ подлыхъ проискахъ подпольной литературы, заявили сочувствіе свое къ ней въ распространеніи возмутительныхъ воззваній, въ преподаваніи въ воскресныхъ школахъ социалистскихъ и коммунистскихъ правилъ.

Если подобнаго рода преступленія, являясь въ средѣ лицъ отверженныхъ обществомъ, клеймились позоромъ, то какъ опредѣлить мѣру негодованія, когда исполнителями этихъ преступленій являются офицеры, слѣдовательно люди, принадлежащіе къ образованному сословію,—люди, которые, по самому положенію своему въ обществѣ, должны служить олицетворенными представителями порядка, уваженія къ законамъ, повинновенія власти, быть просвѣщенными дѣятелями въ правильномъ ходѣ и развитіи всѣхъ гражданскихъ отношеній.

Тяжело, невыразимо тяжело говорить о столь грустномъ, хотя и исключительномъ, уродливомъ явленіи.... Гдѣ же источникъ заблужденій тѣхъ, къ счастью немногихъ, личностей, которыя опозорили себя въ глазахъ соотечественниковъ и собратій по мундиру?... Говоримъ смѣло: въ недостаткѣ просвѣщенія, образованія.

Давно сознана истина, что полупросвѣщеніе, полуобразованность хуже невѣжества, необразованности. Истинное просвѣщеніе и законность нераздѣльны; при ниспроверженіи законнаго порядка въ общественномъ быту, просвѣщеніе немыслимо. Истинное просвѣщеніе само по себѣ есть сила, власть, авторитетъ, то есть олицетвореніе закона, и естественно служитъ главною опорой закона, блюдетъ за исполненіемъ его. Всѣ государства, достигшія наибольшей степени своего духовнаго и матеріальнаго развитія, шли путемъ истиннаго просвѣщенія — путемъ законности. Напротивъ того, полупросвѣщеніе, соединенное съ превратнымъ пониманіемъ основныхъ началъ всего гражданского строя, условій личной и общественной свободы, всегда и вездѣ приводило къ отрицанію законности, къ анархіи, къ беззвѣрію, которыя никогда и нигдѣ ничего не основывали: они только разрушали.

У насъ, Русскихъ, понятія объ условіяхъ и требованіяхъ истиннаго просвѣщенія далеко еще не выработались не только въ средѣ большинства, массы, но даже въ кругу тѣхъ, которые, справедливо или несправедливо, признаютъ себя представителями истиннаго просвѣщенія. Исключенія такъ рѣдки, что остаются исключеніями—не болѣе. Въ нашемъ народномъ характерѣ преобладаетъ черта, несомнѣстная съ наукою: мы хотимъ разомъ, безъ труда, безъ размысленія усвоить себѣ атрибуты просвѣщенія, не заботясь о его сущности, и, разумѣется, безпрестанно спотыкаемся на незнакомомъ и непривычномъ намъ пути. Мы больше говоримъ о просвѣщеніи, нежели занимаемся имъ. Профессоръ Костомаровъ свидѣтельствуетъ, что, въ послѣднее время, ему случалось встрѣчать между молодыми людьми такихъ умниковъ, которые проповѣ-

думаютъ, что «наука сама по себѣ не только бесполезна, но даже вредна, потому что отвлекаетъ умы отъ другихъ, болѣе плодотворныхъ сферъ дѣятельности» (*).

Послѣ этого не удивительно, что вышніе такъ называемые *клериковые люди*, прочитавъ пять, шесть прокламацій, выработанныхъ подпольными демагогами, вообразили себя великими умницами и государственными реформаторами.....

Наше военное сословіе, по самой степени того почета, которымъ оно пользуется въ обществѣ, должно бы было быть наиболѣе просвѣщеннымъ, наиболѣе образованнымъ сословіемъ, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.... Не будемъ говорить о томъ, въ какой степени наше военное сословіе достигло этой высокой цѣли, но не можемъ не сознаться, что о самообразованіи на службѣ у насъ помышляютъ весьма немногіе. Если мы учимся мало, то еще меньше читаемъ, особенно то, что всего необходимѣе читать намъ—военныя сочиненія. Мы не хотимъ слѣдить за современнымъ развитіемъ нашего ремесла, мы равнодушны къ успѣхамъ военной науки и военного искусства.....

— Армія образуетъ такое органическое цѣлое, гдѣ всѣ члены связаны съ государствомъ и между собою святостію присяги, честію знамени и требованіями дисциплины. Кто не сознаетъ или не хочетъ сознавать этой связи, для кого ничего не значать—ни святость присяги, ни честь знамени, съ которыми связаны воспоминанія о доблестяхъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, тотъ пусть лучше оставитъ военную службу и, свободный отъ обязательствъ, слѣдуетъ своимъ ложнымъ или преступнымъ убѣжденіямъ, не прикрываясь военнымъ мундиромъ, не патная его отступничествомъ, вѣроломствомъ.... Безъ дисциплины нѣтъ и быть не можетъ благоустроенной арміи. Дисциплина, въ своемъ возвышенномъ значеніи, требуетъ точнаго исполненія всѣхъ военныхъ законовъ не только на глазахъ начальниковъ, но и внѣ круга ихъ наблюденія. Основное начало всякой истинной дисциплины есть собственное убѣжденіе каждаго солдата, каждаго офицера въ ея необходимости для всѣхъ и въ пользѣ для отдѣльныхъ личностей. Наружное безусловное повинновеніе не замѣняетъ собственнаго убѣжденія и прекращается обыкновенно тамъ, гдѣ дисциплина была бы всего необходимѣе, гдѣ нѣтъ ни времени, ни средствъ освѣжать или поддерживать ее.

Въ наше время требованія службы стали несравненно снисходительнѣе, бытъ войска улучшенъ, взглядъ на службу, на значеніе солдата сдѣлался гуманнѣе, и тѣмъ прискорбиѣ видѣть въ средѣ офицеровъ такихъ, которые, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать еще большому улучшенію военнаго общества, помышляютъ о ниспроверженіи всего зданія.

(*) См. № 145 «Сѣверной Пчелы».

Послѣ упорной, славной борьбы съ западными державами; борьбы, запечатлѣнной кровію доблестныхъ защитниковъ Севастополя, изумившихъ весь міръ своимъ самоотверженіемъ, отечество наше вступило на путь преобразованій по всѣмъ частямъ государственнаго строя. Можно было, пожалуй, ожидать, что найдутся недовольные предпринятыми реформами — какъ это всегда бываетъ въ переходныя эпохи — но кто изъ самыхъ дальновидныхъ предсказалъ бы, что въ столь рѣшительный для Россіи моментъ появятся люди, готовые посягнуть на ниспроверженіе всего, чѣмъ держится всякое гражданское общество? Кому могла бы придти въ голову мысль, что между такими безумцами замѣшаются и военные мундиры?..

Понимается: ни народъ, ни солдаты не откликнулись на эти бессмысленныя проявленія: «передовые люди» ошиблись въ расчетѣ. Масса не повѣрила имъ, она не признала въ нихъ «мучениковъ за истину». Пройдетъ еще вѣсколько времени, успокоятся умы, и мода на «страдальцевъ» уляжется даже въ средѣ ихъ отчаяннѣйшихъ сторонниковъ.

Да не обвинять насъ читатели въ чрезмѣрно-строгомъ приговорѣ. Перомъ нашимъ водило негодование, мы этого не скрываемъ; но промолчать мы не могли уже и потому, что обнародованные по военному вѣдомству приказы, дали обильную пищу толкамъ о нашемъ военномъ сословіи. Мы служили только отголоскомъ мнѣнія благомыслящаго большинства; но мы истинно скорбимъ о тѣхъ, къ счастію немногихъ, неопытныхъ личностяхъ, которые, при незрѣлости своихъ убѣжденій, поддались вліянію безумцевъ и съ увлеченіемъ молодости бросились на подпольную литературу. Мы даже увѣрены, что между ними есть уже раскаявшіеся въ своихъ порывахъ, что ослабленные прозрѣли, поняли, въ какую бездну бросили ихъ коноводы. Они еще могутъ возвратиться на путь чести и законности.

Если, при нынѣшнихъ прискорбныхъ явленіяхъ, мы станемъ искать утѣшительныхъ сторонъ, то найдемъ ихъ: громадное большинство честныхъ гражданъ еще тѣснѣе сблизилось у средоточія законности; оно готово, до самоотверженія, содѣйствовать высокимъ цѣлямъ правительства, а войско, съ обычною преданностію Монарху, ждетъ только случая, чтобы заявить свою вѣковую любовь къ престолу и отечеству.

Ред. «Военная Сборника».